

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТУРГИИ В VI–VII ВВ.

Н.Н. Болгов
А.Д. Стржалковская

N.N. Bolgov
A.D. Strzhalkovskaia

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

Belgorod National
Research University

В конце VI – начале VII вв. окончательно оформляются идейные и символические толкования литургии и здания церкви. Возрастает значение литургии, действия священнослужителей приобретают глубокое символическое значение. Иконы, начиная с VI в., вовлекались в церковную службу через процессии (стациональные богослужения). Декорация алтарной преграды была вторым путем включения иконы в литургическую жизнь (будущий иконостас). Также императорский церемониал оказывал колоссальное влияние на эволюцию византийской литургии – дворцовыми процессиями, императорскими входами и выходами. Период VI – 1 пол. VII вв. характеризуется развитием гимнографии. Внешняя, символическая часть литургии активно развивается с VI в. Литургический обряд начинает развиваться в сторону церемониальности. Процесс клерикализации литургии получил новый мощный импульс.

Ключевые слова: литургия, Византия, Константинополь, император, церемониальность, гимнография, клерикализация.

THE HISTORICAL EVOLUTION OF EARLY BYZANTINE LITURGY IN 6–7 AD

At the end of the 6 – early 7 centuries the ideological and symbolic interpretations of liturgy and church buildings finalized. The importance of the liturgy, actions of the clergy acquire some deep symbolic meaning. Icons from 6 AD were involved in a church service in a procession (statzional worship). Decoration of the altar barrier was the second means to include the icon in the liturgical life (future iconostasis). Also imperial ceremonies had an enormous impact on the evolution of the Byzantine liturgy – the palace processions, imperial inputs and outputs. Period of 6 – 7 centuries was characterized by the development hymnography. External, symbolic part of the liturgy was actively developing from 6 AD. Liturgical rite began to develop in the

direction of ceremoniality. Process of liturgy clericalization received new impetus.

Keywords: the liturgy, Byzantium, Constantinople, the emperor, ceremonial, hymnography, clericalization.

e-mail: bolgov[at]bsu.edu.ru

VI–VII вв. можно назвать наиболее решительным и окончательным периодом в образовании богослужебного устава. И суточное богослужение, и церковный год теперь получают в самых существенных позициях нынешний вид. На долю последующих веков оставалась разработка того и другого лишь во второстепенных частностях. Но сведения об энергичной работе этого периода в области церковного устава очень скудны в отличие от предшествующего периода IV–V вв.¹

При изучении этого периода уже можно говорить о христианском богослужении как о собственно византийском. Р.Ф. Тафт пишет: «Византийский обряд включает в себя следующее: Божественную литургию (евхаристию); другие таинства – крещение, миропомазание, венчание (брак), елеосвящение, покаяние (епитимью) и рукоположение в священник сан; утренняя, вечерняя, всенощное бдение и часы; литургический год с его календарем фиксированных и подвижных циклов празднеств, постов и памятей святых; кроме того, ряд менее значимых служб или последований (освящение вод, плодов и т.д., освящение церкви, отчитывание одержимых бесами, монашеский постриг и т.д.)»². Из этого мы теперь видим, насколько разнообразным стал христианский обряд, отвечавший теперь всем потребностям уже полностью христианизированного общества. Константинопольские богослужения приобретают церемониальный характер, как и вся жизнь в столице³.

Император, естественно, вносил свой вклад в богослужения VI–VII вв., потому что он сам лично участвовал в богослужебных церемониях. Также императорская власть принимала непосредственное участие в церковной жизни⁴. Императорская политика по отношению к христианской Церкви влияла на богослужения и обряды в VI–VII вв. потому, что сам статус императора в Византии давал ему на это право. «В глазах византийца царь был священной особой. ...Их рассматрива-

¹ Скабаланович М. Толковый типикон [Skabalanovich M. Tolkovyi tipikon]. М., 2004. С. 286.

² Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. СПб., 2000. С. 17.

³ См.: Войтович Л.В., Сорочан С.Б. Історія Візантії. Вступ до візантиністики [Vojtovych L.V., Sorochan S.B. Istorija Vizantii. Vstup do vizantynistyky]. Львів, 2011.

⁴ Bury, John V. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. – 800 A.D.). Boston, 2005. P. 577.

ют, как наместников бога на земле. Государство же трактуется как отображение небесного царства»⁵.

Церковными канонами четко было закреплено каждое слово, произносимое на всех богослужениях духовенством.

По итогам V и VI Вселенских соборов было составлено множество правил, регламентирующих порядок отправления богослужений и других сторон богослужебной практики. Именно эти соборы догматически закрепили чины богослужебных обрядов. Для этого сначала вернемся к событиям, послужившим причинами к созыву собора. Обратим внимание на то, что интриги епископов-монофизитов и никейские убеждения Юстиниана, которые не поддерживала императрица Феодора, послужили причиной разрастания богословских споров и усиления риска укрепления ереси⁶.

V Вселенский собор в Константинополе в 553 г. и VI Вселенский собор в Константинополе в 680 г. не оставили после себя правил, но, вместо этого, в 691 г. был созван собор, так называемый «Трульский», именуемый иногда еще «Пято-Шестым», на котором было восполнено это упущение и составлено 102 правила. Из правил этого собора особенно важны и интересны правила, посвященные богослужебным обрядам.

Нельзя не обратить внимание на храмовое строительство⁷, которое, особенно в VI в., достигает колоссальных размеров. В это время возникает потребность в возведении больших храмов, способных вместить толпы верующих⁸. Вместе с храмовым строительством с IV в. широкое распространение получает и христианская живопись⁹. Стремление к образному воплощению библейской и евангельской истории сливается с потребностью в декоративном оформлении церковных интерьеров¹⁰.

С освящения Софийского собора христианский храм и богослужения стали неразрывно связаны между собой. Новые построенные храмы для христиан полностью должны были располагать всем необходимым для проведения литургий и богослужений и создавать сакральное пространство для литургии. Отныне купольная композиция сдела-

⁵ Лазарев В.Н. История византийской живописи [Lazarev V.N. Istorii vizantiiskoi zhivopisi]. М., 1986. Гл. 1.

⁶ Kuiper V.K. The Church in History. Grand Rapids, 1964.

⁷ Mango, Cyril. Byzantine Architecture. L., 1985.

⁸ Существует обширная литература, посвященная храмовому строительству в Херсонесе, начиная со 2-й половины VI в. Традиционно исследования отечественных и украинских специалистов связаны с регионом Северного Причерноморья. См. об этом: Сорочан С.Б. Византийский Херсон [Sorochan S.B. Vizantiiskii Kherson]. Харьков, 2005.

⁹ См.: Иваницкая Я.Ю. Христианизация позднеантичного общества в контексте внешних репрезентаций [Ivanitskaia Ia.Iu. Khristianizatsiia pozdneantichnogo obshchestva v kontekste vneshnikh reprezentatsii] / автореф. канд. дис. ... Белгород, 2011.

¹⁰ Культура Византии IV – 1 пол. VII вв. [Kul'tura Vizantii IV – 1 pol. VII vv.] М., 1984. С. 551.

лась доминирующей, и базиликальные сооружения теряют свое значение в последующем церковном строительстве¹¹.

Р.Ф. Тафт в своем исследовании «Византийский церковный обряд» отмечает, что с созданием собора св. Софии и ее обряда изменилась роль помещения, где происходит литургия. Ни в одной литургической традиции ни одно здание не играло такой роли, как Юстинианова София. И форма византийского обряда, и видение его значимости, привитые в меньших масштабах в позднейших церковных постройках, были определены этим кафедральным собором. Гораздо более новым и значительным, нежели поразительная архитектура этого здания, было видение, создаваемое ее изумительным интерьером. Этому видению суждено было оказать определяющее влияние на дух ритуала, для которого св. София была построена¹².

Тафт связывает с появлением собора образование целой новой богослужебной традиции, приспособленной специально под весь его блеск и роскошь. А так как на богослужениях в соборе часто присутствовал император и его двор, то и богослужение стало соответствовать пышному церемониалу императорского двора. В VI в., главным образом, благодаря Юстиниану I, построившему св. Софию, византийский обряд становится имперским. Его евхаристическая служба, в частности, приобретает большой ритуальный блеск и теологическую ясность особенно в результате христологических споров¹³.

В конце VI – начале VII вв. окончательно оформляются идейные и символические толкования литургии и здания церкви. Новая эпоха считала требования культа главными, а художникам отводилась роль лишь исполнителей. Возрастает значение литургии, действия священнослужителей приобретают глубокое символическое значение. В соответствии с требованиями литургии выделяются пространства вимы и подкуольной зоны. Вима соединяется проходами с находящимися теперь обязательно по сторонам алтаря жертвенниками и диаконником. Подкуольное пространство, где совершается таинство евхаристии, становится истинным центром здания¹⁴.

Кроме новой архитектуры храмов в церковную и богослужебную жизнь христиан входят иконы и занимают свое место в ходе богослужений. Патриархом Тимофеем I (511-518 гг.) во время Акакиевской схизмы в Константинополе каждую ночь с пятницы на субботу совершалась процессия и служба в честь Богоматери. Процессия-литания

¹¹ Там же [Ibid.]. С. 588.

¹² Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. СПб., 2000. С. 44; Idem. The Liturgy of the Great Church: an Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers*. 34-35. 1980-1981.

¹³ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. С. 32; Idem. The Liturgy of the Great Church: an Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers*. 34-35. 1980-1981.

¹⁴ Культура Византии IV – 1 пол. VII вв. [Kul'tura Vizantii IV – 1 pol. VII vv.] С. 593.

пересекала весь город. Начинаясь она от Влахернского храма, из которого выносили большую процессиальную икону Богородицы, и она, как бы, возглавляла шествие. К шествию присоединяли иконы из других храмов. Следовательно, иконы, начиная с VI века, вовлекались в церковную службу через процессии, и это был первый путь включения иконы в литургическую жизнь.

Также от VI в. мы имеем поэтическое описание св. Софии, составленное Павлом Силенциарием¹⁵ в связи с новым освящением храма в 563 г. при императоре Юстиниане I. Павел пишет, что над колоннами на архитраве алтарной преграды в св. Софии уже имелись чеканные диски с изображениями Христа, Богородицы, ангелов, пророков и апостолов. Эта декорация алтарной преграды была вторым путем включения иконы в литургическую жизнь. Также императорский церемониал оказывал колоссальное влияние на становление византийской литургии. По существу, она и сложилась в сочетании с дворцовыми процессиями, императорскими входами и выходами. И само поклонение императора чтимой иконе было оформлено самым торжественным литургическим образом¹⁶.

В этот период обрядность христианства уже была настолько развита, что она продолжает свое развитие лишь в дополнении отдельных церемониальных моментов¹⁷. И если главным содержанием периода IV–V вв. было становление литургических чинов, то последующий период (VI – 1 пол. VII вв.) характеризуется развитием гимнографии. Это было обусловлено двумя причинами: завершением дидактического развития и появлением практики тайных молитв. С переходом к государственной парадигме жизнь Церкви стала зависеть, в основном, от воли императора. Когда все его подданные стали автоматически зачисляться в разряд христиан, институт оглашения и искусство проповеди стали быстро деградировать. Необходимо было искать какое-то другое средство воздействия на массы. И тогда на первый план стало выходить церковное пение¹⁸. Именно оно было призвано стать тем, что должно было удерживать в благоговейном стоянии прихожан христианских храмов в течение богослужения¹⁹.

Еще одним аспектом, сказавшимся на христианских богослужебных обрядах, стало расширение христианства по территории империи и за ее пределы, удаление его от единого центра – «Сиона, Матери

¹⁵ Whitby, Mary. The Occasion of Paul the Silentiary's Ekphrasis of S. Sophia // *The Classical Quarterly. New Series.* 35 (1). 1985. P. 215–228.

¹⁶ Альмов В.А. Лекции по исторической литургиике [Alymov V.A. *Lektsii po istoricheskoi liturgike*]. СПб., 2005. С. 161.

¹⁷ Hutton W.H. *The Church of the Sixth Century.* L., 1897.

¹⁸ Альмов В.А. Лекции по исторической литургиике [Alymov V.A. *Lektsii po istoricheskoi liturgike*]. С. 145.

¹⁹ *A Guide to Byzantine Hymnography. A Classical Bibliography of Texts and Studies.* I. Szoveffly. Leyden, 1978–1979.

Церквей, Божиего жилища». Это привело к росту влияния поместных обычаев и традиций, вскоре превратившихся в традиционные канонизированные нормы, наложило свой отпечаток на совершение евхаристического богослужения. Молитва или совершенный чин постепенно становились правилом церковного обихода. На них распространялись консерватизм и традиционность. Вместе с тем, появлялись выдающиеся авторитеты, учителя и строители Церкви, которые своими трудами в области богослужбного чина устанавливали новые формы, которые вскоре канонизировались и получали общее признание как наилучшие в данной церковной области или общине. Все это привело к чрезвычайной дифференциации евхаристических молитв. Число отдельных анафор в Поместных Церквях империи со временем так разрослось, что со временем потребовались усилия Церкви для внесения большего порядка и стройности в эту область религиозной жизни²⁰.

Большой размах приобретает в этот период монашество. Не удивительно, что сведения о богослужении, дошедшие до нашего времени, в значительной степени представлены монастырским богослужением²¹.

В VI в. в богослужении наблюдается переход от пения псалмов и их стихов в виде антифонов к преобладанию стихир – кондакарной системе богослужения²². К тропарю – древнейшей и единственной песне, выражавшей собой суть богослужения, стали присоединять другие песни – кондак с рядом икосов. Первым творцом кондаков был чтец и певец св. Софии Константинопольской св. Роман Сладкопевец. Он составил кондаки и икосы, соответственно 24 или 14, и это был длинный ряд, заступавший место стихир и канона²³.

Однако, большее значение для развития богослужения, чем песнопения, имели процессии, для которых они были предназначены. Действительно, кроме случайных упоминаний об освящении церкви или всеобщих бдениях источники этой эпохи почти ничего не сообщают о константинопольских богослужебных последованиях, а только об Евхаристии и богослужебных процессиях²⁴.

VII век в истории Византии стал во многом тем, чем был V век для Запада – отпадением ряда важнейших провинций, кризисом государственности²⁵. Крупнейшие центры – Александрия, Антиохия и

²⁰ Керн К. Евхаристия [Kern K. Evkharistia]. Киев, 2005. С. 39.

²¹ Скабаланович М. Толковый типикон [Skabalanovich M. Tolkovyi tipikon]. М., 2004. С. 286.

²² A Guide to Byzantine Hymnography. A Classical Bibliography of Texts and Studies / Ed. by I. Szoveffly. Leyden, 1978-1979.

²³ Скабаланович М. Толковый типикон [Skabalanovich M. Tolkovyi tipikon] С. 297.

²⁴ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. С. 32-33; Idem. The Liturgy of the Great Church: an Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm // Dumbarton Oaks Papers. 34-35. 1980-1981.

²⁵ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. С. 49; Idem. The Liturgy of the Great Church: an Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm // Dumbarton Oaks Papers. 34-35. 1980-1981.

Иерусалим – отошли к исламскому миру. В VII в. византийская Церковь замкнулась в себе, консолидируя свои собственные силы, и одновременно противостояла обычаям других традиций, особенно, латинского Запада. Богослужбные обряды, естественно, продолжали существовать, но уже без былой пышности. Для самих литургических обрядов это был, в первую очередь, период преемственности. Обряд Великой церкви продолжал совершаться, хотя и в упрощенном варианте, это был также период консолидации и упрощения, обусловленного снижением уровня жизни, в том числе сокращением общественной жизни и уменьшением числа ее памятников²⁶.

Итак, основными изменениями в богослужбных обрядах на протяжении VI – 1-й пол. VII вв. стали:

- повышение роли храма, замкнувшего сакральное пространство литургии (по модели св. Софии Константинопольской), получившей архитектурное оформление;
- увеличение роли песнопений и, как следствие, развитие гимнографии;
- повышение значения процессий и церемониальности.

История литургии VI–VII вв. связана с именами Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Иакова Эдесского, патриархов Германа и Феодора Андидского, Симеона Солунского, Максима Исповедника и других, в истолкованных трудах которых сохранились указания на состав современной им литургии²⁷. Мы имеем две схемы реконструированной литургии: по произведениям Исихия Пресвитера, Кирилла Скифопольского, Анастасия Синаита и Иоанна Дамаскина (Сирийская литургия), а также литургии, описываемой в произведениях псевдо-Дионисия Ареопагита²⁸.

В этот период начинает возрастать символическое значение всех действий²⁹. Первоначально простые исторические акты, имевшие непосредственное отношение к составу богослужения, теперь получили символическое значение, например: малый и великий входы; употребление свечей и кадила также вошло в состав этой предварительной части литургии с особым духовным значением и составило новые стороны и подробности ритуала. Сформировался чин архиерейской литургии с отличиями его от литургии священнической³⁰. К этому времени

²⁶ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. С. 49; Idem. The Liturgy of the Great Church: an Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers*. 34-35.. С. 51.

²⁷ Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургике [Golubtsov A.P. Iz chtenii po tserkovnoi arkheologii i liturgike]. Сергиев Посад, 1918. Ч. 2. С. 102.

²⁸ Керн К. Евхаристия [Kern K. Evkharistia]. С. 36.

²⁹ Jungmann J. *The Early Liturgy: To the Time of Gregory the Great*. Notre Dame, 1959. P. 345.

³⁰ Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургике [Golubtsov A.P. Iz chtenii po tserkovnoi arkheologii i liturgike]. Ч. 2. С. 105.

нужно относить и оформление церемоний, связанных с облачением служащих, и вообще приготовительных к совершению проскомидии обрядов³¹. Как действия священнослужителей, так и облачение носили символическое значение.

Главным источником для изучения литургии в VI–VII вв. служит «Тайноводство» (Мистагогия) Максима Исповедника (580–662 гг.), датированное началом VII в.³² Во времена Максима литургия все еще начиналась входом епископа и народа в храм³³. Когда в литургии Великой церкви или одного из других главных городских храмов случалось участвовать императору, он в сопровождении своего кортежа ожидал прибытия патриарха в нартексе. Вероятно, мозаичные панно церкви св. Виталия в Равенне изображают именно такой вход императора и патриарха: император и императрица несут дары, приличествующие случаю и обычаям³⁴.

К VI в. история христианской Церкви уже имела огромный опыт борьбы с ересями и теологических споров. Это Р.Ф. Тафт связывает с некоторыми новыми традициями в богослужениях. Теологические споры служили импульсом для совершения многих служб на открытом воздухе в процессе появления «стациональной литургии». Менее драматическими поводами для таких процессий являлись освящение церкви, перенесение мощей, похороны (особенно императоров)³⁵. И еще один момент в литургии, связанный с историческими процессами в Христианской Церкви, это то, что Четыре Вселенских собора были внесены в читаемые на литургии диптихи, а имена промонофизитски настроенных столичных патриархов, наоборот, удалены³⁶.

Итак, в VI–VII вв. появились богослужения вне стен храмов, т.е. на улице³⁷. Эти константинопольские уличные богослужебные шествия наложили неизгладимый отпечаток на богослужение суточного круга и другие обряды Великой церкви. Входы, процессии, церемонии восшествия на престол стали характерными для всего византийского богослужения. Об устойчивом символизме этих обрядов свидетельствует то центральное место, которое они занимают в трудах классических тол-

³¹ Там же [Ibid.]. С. 104.

³² Уайбру Х. Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения и византийского обряда [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgiia. Razvitie evkharisticheskogo bogoslužheniia i vizantiiskogo obriada]. М., 2000. С. 86.

³³ von Balthasar, Hans Urs. Cosmic Liturgy: The Universe According to Maximus the Confessor. San Francisco, 2003.

³⁴ Уайбру Х. Православная литургия [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgiia]. С. 97.

³⁵ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. С. 35–36.

³⁶ Уайбру Х. Православная литургия [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgiia]. С. 87.

³⁷ Liebeschuetz J.H.W.G. From Diocletian to the Arab Conquest: Change in the Late Roman Empire. Northampton, 1990. P. 453.

кователей литургии, начиная с Максима Исповедника³⁸. Именно вход в храм сопровождался пышной церемонией.

Торжественный Вход в храм клира и народа означал начало литургии³⁹. Шествие обычно останавливалось в атриуме в ожидании завершения предписанных этикетом церемоний входа иерархов и сановников в нартекс и чтения Входной молитвы перед царскими вратами, ведущими в неф, прежде чем влиться в него вместе с сановниками. Внутри самого церковного здания четко выделялась продольная ось между входом и апсидой. Указатели на полу направляли шествие к святилищу. Огороженный проход солеи располагал клир и императорское окружение вокруг амвона и до ворот темплона, или алтаря, который заключал в себе святилище⁴⁰.

1. Необходимо было место для людей, где они могли бы собраться в ожидании торжественного входа.

2. Необходима была надворная постройка, где народ мог предложить свои дары до того, как церковь «откроется литургически» Входной молитвой и торжественным входом духовенства и императорского окружения: отсюда – сосудохранилище (ротонда), отдельное здание вне церкви.

3. Духовенство и народ входили в церковь вместе, поэтому возникла необходимость в легком и быстром доступе снаружи к нефу и галереям: отсюда монументальные дверные проемы со всех четырех сторон церкви.

4. Необходимо было также место для патриарха со свитой⁴¹.

И еще одной особенностью устройства константинопольской церкви было приподнятое седалище и кафедра в апсиде. Они возникли потому, что епископ должен был быть виден во время чтения проповеди с престола – и это еще один основополагающий элемент в богослужении этого периода⁴². «То, что явилось собственно константинопольским в организации церковного пространства, диктовалось специфической городской соборной обрядом: литургическое оформление до-студийской константинопольской монастырской церкви еще предстояло открыть»⁴³.

Переходя собственно к самому чину литургии, Р.Ф. Тафт пишет: «Обратимся к ритуалу входа. Шествие прибыло. Богослужение вот-вот начнется. Патриарх в нартексе, где он уже приветствовал императора;

³⁸ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. С. 38.

³⁹ Taft, Robert. The Liturgy of the Great Church: an Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm // *Dumbarton Oaks Papers*. 34-35. 1980-1981.

⁴⁰ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. С. 40.

⁴¹ Там же [Ibid.]. С. 39-41.

⁴² Там же [Ibid.]. С. 41.

⁴³ Там же [Ibid.]. С. 42.

оба они ждут знака для входа в церковь. Из своей каморы под большим амвоном певчие запевают «Единородный Сыне», традиционный припев ко входному псалму»⁴⁴. Максим Исповедник толкует песнопения во время литургии так: «Духовная сладость божественных песнопений, говорил [старец], выражает радость божественных благ, которая возносит души к чистой и блаженной любви к Богу и которая внушает сильнейшее отвращение к греху»⁴⁵.

Этот момент начала песнопений и является началом. По этому знаку патриарх становится перед царскими вратами, чтобы произнести краткую Входную молитву Божественной литургии в одном из двух традиционных константинопольских вариантах – по чину св. Василия и по чину св. Златоуста⁴⁶. После первых песнопений звучала молитва входа, которая после VII в. читалась во время процессии и называлась «Малым входом». Потом после антифонов и вступительных ектений священнослужители входили в алтарь. Молитва входа ознаменовывала собой начало литургии. Епископ читал ее вслух в нартексе непосредственно перед тем, как войти во главе народа в храм⁴⁷.

Принято считать, что припевом к песнопению, сопровождавшему вход в храм, служила весьма известная сегодня молитва или песнопение под названием «Трисвятое»⁴⁸. Как утверждает Х. Уайбру, в V в. появились песнопения, сопровождавшие вход в храм священнослужителей, а в Константинополе – и следовавшего за ним народа. В начале VI в. припевом к песнопению входа служило «Трисвятое»⁴⁹. Эту молитву называют еще славословием. Есть основания полагать, что в конце V в. «Трисвятое» считалось подходящим припевом к псалмам, которые пели в молебных шествиях во времена бедствий. В Константинополе стихи произносил диакон, и они, вероятно, знаменовали собою окончание песнопений входа. К 451 г. «Трисвятое», определенно, было известно – восточные епископы пели его как хвалебный гимн на IV Вселенском соборе⁵⁰. Со временем «Трисвятое» перестали связывать с каким бы то ни было псалмом, и оно сделалось самостоятельной литургической песнью. Предшествовал ему входной псалом, ставший третьим антифоном входа, а за ним следовали разные тропари, которые точно так же отделились от первоначально сопровождавших их псалмов⁵¹.

⁴⁴ Там же [Ibid.]. С. 46.

⁴⁵ Максим Исповедник. Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника [Maksim Ispovednik. Mistagogia // Tvoreniia prepodobnogo Maksima Ispovednika]. М., 1993. Гл. XI.

⁴⁶ Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд [Taft R.F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad]. С. 46.

⁴⁷ Уайбру Х. Православная литургия [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgia]. С. 97.

⁴⁸ A Guide to Byzantine Hymnography. A Classical Bibliography of Texts and Studies. I. Szovefly. Leyden, 1978-1979.

⁴⁹ Уайбру Х. Православная литургия [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgia]. С. 98.

⁵⁰ Там же [Ibid.]. С. 99.

⁵¹ Там же [Ibid.].

Вход процессии в храм стал называться Малым Входом. Малый вход со стороны выглядел следующим образом: «Впереди процессии шел диакон с Евангелием в руках; за ним несли свечи и кадила. Когда шествие достигало алтаря, Евангелие, символ Иисуса Христа, Слова Божьего возлагали на престол. Как и в более ранние времена, епископ и клир поднимались в апсиде на горнее место и после епископского приветствия («Мир всем») занимали свои места, чтобы слушать Писание. В Великой церкви на все это должно было уходить некоторое время, отсюда и нужда в довольно продолжительном песнопении входа»⁵².

Далее сразу же после входа начиналось чтение Писания. Их было по-прежнему три – из Ветхого Завета, из Апостола, из Евангелия. Они перемежались псалмами, в начале и в конце которых, а также между стихами, пели антифоны. Для этого певчие поднимались на амвон. Ветхий Завет и Апостол читали чтецы. В Великой церкви во времена Юстиниана насчитывалось их больше ста. Евангельское чтение сопровождалось пышным церемониалом. Сама книга Евангелия была богато украшена золотом и самоцветами. Переносившего его на амвон диакон сопровождали свечи и кадила, а на обратном его пути в алтарь люди теснились к солее, чтобы поклониться драгоценной книге⁵³. Добавим толкование Максима Исповедника: «Вообще же оно обозначает скончание мира сего»⁵⁴. После чтений Евангелие заносили в алтарь, возлагали на престол.

Следующим этапом чина литургии во времена Максима Исповедника должна была быть проповедь⁵⁵. После Чтений, а если была проповедь, то после нее, молились об оглашенных, отпускали их и закрывали двери храма. Молитвы верных, как и прежде, читали после отпуска оглашенных в виде диаконской ектении⁵⁶. Заметим, что к VII в. проповедь в Константинополе, вероятнее всего, приходит в упадок. Максим Исповедник в своем описании обряда о ней не упоминает. По крайней мере, некоторые епископы пренебрегали этой своей обязанностью даже по воскресеньям⁵⁷.

Еще перед отпуском оглашенных диаконы начинали готовиться к основной части литургии. Известно, что в 1-й пол. VII в. хлеб и вино для евхаристии Великой церкви вносили из сосудохранилища, расположенного близ северо-восточного угла храма. Так же были устроены и другие городские церкви. В сосудохранилище хранили священные сосуды и книги, там же священнослужители готовились к службе и при-

⁵² Там же [Ibid.]. С. 100-101.

⁵³ Там же [Ibid.]. С. 101.

⁵⁴ Максим Исповедник. Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника [Maksim Ispovednik. Mistagogiia // Tvoreniia prepodobnogo Maksima Ispovednika]. Гл. XIV.

⁵⁵ Shmeman A. The Eucharist: Sacrament of the Kingdom. Crestwood, New York, 1988.

⁵⁶ Уайбру Х. Православная литургия [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgiia]. С. 102.

⁵⁷ Там же [Ibid.]. С. 101-102.

готовляли принесенные народом дары⁵⁸. Наличие специального помещения для хранения св. Даров подтверждает еще раз хорошую приспособленность архитектуры храма к чину литургии.

Итак, пока епископ читал молитву об оглашенных, диаконы направлялись в сосудохранилище. Взяв дискос и чашу, они возвращались в сопровождении свечей, кадил и опахал. Каким путем они проходили, точно неизвестно. В св. Софии они могли проходить снаружи храма вдоль ее северной стены и входить обратно через большие двери в ее середине, а могли входить в храм у его восточной оконечности северного бокового нефа и, дойдя до его середины, сворачивать в центральный неф, чтобы через амвон попасть на солею. Известно, что в алтарь они проходили солеей. У престола их уже ожидал епископ. Если на литургии официально присутствовал император, он встречал процессию у входа на солею, сопровождал ее до царских врат, распложенных посередине алтарной преграды, и возвращался на свое место в южном боковом нефе⁵⁹. Максим Исповедник ассоциирует внесение Даров с началом всего⁶⁰.

Весь литургический чин сопровождался песнопениями, и внесение даров также было не исключением. Пение в этом месте литургии, как и в ее начале, стало общепринятым для всех церквей еще в V в. В VI в. в состав песнопений вошла Херувимская песнь в нынешнем варианте. Этот момент стал называться Великий Вход, и пока диаконы торжественно вносили хлеб и вино, епископ готовился их принять. То есть епископ, а с ним и пресвитеры, омывали руки в знак символического очищения и тихо молились, приготавливаясь к Анафоре. Диаконы доходили до алтаря, в соответствующем порядке возлагали на престол дары и, возможно, совершали перед ним каждение. Песнопение, сопровождающее внесение даров в византийском обряде, вводится во всю последующую часть литургии, которую следует воспринять, как единое целое. В свете окончательно сложившейся системы символических толкований в этом песнопении стали видеть указание на Христа, символически представленного дарами и входящего, как бы, в саму процессию. Херувимская песнь призывала молящихся отложить все мирские заботы, чтобы в причастии принять Христа⁶¹.

Также Х. Уайбру поясняет, что и Херувимская, и песнь Великой субботы выражают общую для всего Востока идею, которую ввел в обиход Дионисий Ареопагит: земная литургия есть отражение в соот-

⁵⁸ Там же [Ibid.]. С. 103.

⁵⁹ Там же [Ibid.].

⁶⁰ Максим Исповедник. Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника [Maksim Ispovednik. Mistagogiia // Tvoreniiia prepodobnogo Maksima Ispovednika]. Гл. XVI.

⁶¹ Там же [Ibid.]. С. 105.

ветствующих символах литургии небесной; там Христа сопровождают ангелы, здесь – хлеб и вино, диаконы⁶².

Итак, дары возложены на престол, епископ произнес приветствие «Мир всем», все – и народ, и клир – обменялись, как прежде, лобзанием мира, и наступало время Анафоры. Но перед анафорой следовала молитва Символ веры. Доподлинно известно, что в раннем евхаристическом богослужении никаких формулировок вероучения не произносили. Когда, где и почему Символ веры включили в состав службы, никто не знает. Есть сведения, что этот обычай ввел в 473 г. патриарх Антиохийский Петр Сукновал, монофизит⁶³.

После Символа веры начиналась основная часть литургии, молитвенное приготовление к евхаристии, или Анафора⁶⁴. Символ веры, читаемый на евхаристическом богослужении, служил мерилom ортодоксальности во времена доктринальных споров. Он вклинился разделяющим звеном между внесением хлеба и вина в алтарь и молитвой, через которую они приносились в жертву и освящались. Символ веры спет, и епископ приступает к Анафоре, как правило – св. Василия Великого, реже – св. Иоанна Златоуста. К VII в. большую часть Анафоры читали беззвучно, как принято и в современном нам православии. Император Юстиниан в VI в. боролся с новым обычаем произносить евхаристическую молитву тайно и даже издал закон, повелевающий всем епископам и священникам читать молитвы святого приношения и святого крещения не тихим голосом, а громким⁶⁵. Это нововведение императора не просуществовало долго, и как отмечает Х. Уайбру, уже начиная с последних десятилетий VI в., главнейшую молитву божественной литургии уже больше не слышали и, следовательно, не знали подавляющее большинство византийских христиан, у которых не было службников, где бы они могли хотя бы прочесть то, чего не могли услышать.

Основная, центральная молитва литургии стала молитвой духовенства. Процесс клерикализации литургии, и без того весьма заметный, получил новый мощный импульс. После вступительного диалога в храме воцарялось молчание, священник не возвышал голос на вступлении. После этого снова устанавливалась тишина, а священник вступал в общение с Богом. Наконец, он снова возвышал голос, народ слышал заключительную часть его молитвы и в знак подтверждения и согласия говорил «Аминь». Священник переходил к ходатайственной молитве⁶⁶.

Вслед за Анафорой, как и во времена Златоуста, шли Молитва господня («Отче наш») и приглашение к причащению («Святая Свя-

⁶² Там же [Ibid.]. С. 105-106.

⁶³ Wigram W.A. The Separation of Monophysites. L., 1923. P. 211.

⁶⁴ Shmeman A. The Eucharist: Sacrament of the Kingdom. Crestwood, New York, 1988.

⁶⁵ Уайбру Х. Православная литургия [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgiia]. С. 108.

⁶⁶ Там же [Ibid.]. С. 109.

тым)»⁶⁷. Однако, к середине VII в. возник новый обычай совершать обряд «теплоты» (зеон): в чашу с освященным вином доливали немного теплой воды⁶⁸. Добавление воды в вино означало, что святые тайны являют собою, как им положено, не только воскресение Христа, но и Его смерть. Возможно, добавление горячей воды после освящения даров только дополнило добавление холодной перед ним. Холодная вода символизирует смерть, горячую можно было признать символом воскресения жизни⁶⁹. Этот описываемый обряд теплоты заключается в том, что вино после пресуществления в Кровь Христову обязательно разбавляется горячей водой («теплотой», «зеоном»). Квасной хлеб и «теплота» в Православной Церкви символизируют всецелую обоженность человеческой природы Христа на протяжении всего Его земного «домостроительства нашего спасения»: с воплощения, на кресте, в смерти, в воскресении, в вознесении. Теплота свидетельствует, что Господне Тело, хотя и умерло после отделения от Души, осталось, все же, животворящим и не отделено ни от Божества, ни от всякого действия Святого Духа⁷⁰.

Остановимся на произнесении во время литургии молитвы «Отче наш», о чем Максим Исповедник писал, что «Пресвятое и благоговейное призывание великого и блаженного Бога и Отца есть символ воипостасного и реального усыновления [людей] по дару и благодати Святого Духа»⁷¹.

Непосредственно перед самим причащением священник произносил возглас «Един Свят, Един Господь» и прочее⁷². Об этом возгласе Масксим Исповедник рассказывал так: «Исповедание, совершаемое всем верующим народом в конце таинственного священнодействия произнесением «Един Свят» и последующего, показывает сокровенные, превышающие ум и разум, связь и соединение с единством Божественной Простоты, которых сподобятся – по Богу премудро и таинственно – совершенные в нетленном духовном веке»⁷³. Затем следовал обряд причащения, сопровождаемый псалмопениями. Духовенству запрещали требовать мзду за причащение, а мирянам предписано было принимать освященный хлеб в руки, а не в плат или какой-нибудь сосуд. Причащение среди мирян не было частым: на каждой литургии

⁶⁷ Shmeman A. The Eucharist: Sacrament of the Kingdom. Crestwood, New York, 1988.

⁶⁸ Слуцкий А.С. Византийские литургические чины «Соединения даров» и «Теплоты» [Slutskii A.S. Vizantiiskie liturgicheskie chiny «Soedineniia darov» i «Teploty»] // ВВ. 2006. Т. 65(90). С. 126-145.

⁶⁹ Уайбру Х. Православная литургия [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgiia]. С. 110-111.

⁷⁰ Phountoules, Ioannes M. Archbishop Symeon of Thessalonica's Liturgical Works. I: Prayers and Hymns. Thessalonica, 1968. P. 122.

⁷¹ Максим Исповедник. Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника [Maksim Ispovednik. Mistagogiia // Tvoreniia prepodobnogo Maksima Ispovednika]. Гл. XX.

⁷² Shmeman A. The Eucharist: Sacrament of the Kingdom. Crestwood, New York, 1988.

⁷³ Максим Исповедник. Мистагогия // Творения преподобного Максима Исповедника [Maksim Ispovednik. Mistagogiia // Tvoreniia prepodobnogo Maksima Ispovednika]. Гл. XXI.

находилось множество тех, кто от него воздерживался. Св. Дары преподавали либо, как сейчас – перед царскими вратами и алтарным ограждением, либо (если солея доходила до самого алтаря, не оставляя зазора) – по одну или другую сторону от царских врат. Когда причащался император, он делал это непосредственно в алтаре, проходя туда тем же путем, которым вносили дары⁷⁴.

В 624 г., согласно «Пасхальной хронике», патриарх Сергей ввел по окончании причащения пение «Да исполнятся уста наши хваления Господи...». Далее следовала благодарственная молитва, диакон отпускал народ, и служба заканчивалась. Епископ и клир тоже уходили, вероятно, по солее, тем же путем, каким были внесены дары. Диаконы относили в сосудохранилище священные сосуды. Там же они снимали свои орари, а епископы – омофоры. К концу VII в., а может быть, и раньше, епископ на выходе из храма стал останавливаться за амвоном, чтобы посреди готовой разойтись толпы, прочесть заключительную молитву, так называемую «заамвонную»⁷⁵.

Итак, литургия Константинопольской церкви, самая младшая из всех, образовалась на основе ранних, и по существу своему была эклектической⁷⁶. Она представляет из себя переработку литургий сирийско-палестинского типа и примыкает, таким образом, всего ближе к литургии ап. Иакова⁷⁷, с учетом литургий св. Василия и св. Иоанна Златоуста.

В течение VI – 1-й пол. VII вв. шел процесс окончательного оформления и догматизации литургии. Главным явлением этого периода стали архитектурное оформление литургии, повышение роли гимнографии, введение процессий, клерикализация литургии, завершившая ее организационную эволюцию.

⁷⁴ Уайбру Х. Православная литургия [Uaibru Kh. Pravoslavnaia liturgiia]. С. 103.

⁷⁵ Там же [Ibid.]. С. 112.

⁷⁶ См.: Кунцлер М. Літургія церкви [Kuncler M. Liturgija cerkvy]. Львів, 2001.

⁷⁷ Голубцов А.П. Из чтений по церковной археологии и литургике [Golubtsov A.P. Iz chtenii po tserkovnoi arkheologii i liturgike]. Ч. 2. С. 83-84.